№ 4 (8)

ISSN 1829-4820

Филиал МГУ имени М.В.Ломоносова
в г. Ереване

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

ЕРЕВАН 2019

Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ. Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղ

Филиал Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

M. Lomonosov Moscow State University, Yerevan branch

ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ

Գիտամեթոդական հանդես

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ

Научно-методический журнал

MAIN ISSUES IN MODERN RUSSIAN STUDIES

Scientific Methodological Journal

4 (8)

ԵՐԵՎԱՆ 2019
ЕРЕВАН 2019
YEREVAN 2019

Երաշխավորվել է տպագրության Երևան քաղաքում Մոսկվայի Մ.Վ.Լոմոնոսովի անվան պետական համալսարանի մասնաճյուղի գիտական խորհրդի կողմից

Печатается по решению Ученого совета филиала Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Reprinted by decision of the Academic Council of the branch of the Moscow State University M.V. Lomonosov in Yerevan

«ՌՈՒՍԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ ԱՐԴԻ ՀԻՄՆԱԽՆԴԻՐՆԵՐԸ» գիտամեթոդական հանդեսի առաքելությունը ՀՀ-ում ռուսագիտության՝ որպես լեզվաբանության ճյուղի մասսայականացումն է, ռուսաց լեզվի ուսումնասիրման նկատմամբ հետաքրքրություն առաջացնելը, օտարերկրյա հետազոտողների ուշադրությունը հայ գիտնականների մշակումներին հրավիրելը, դրանով իսկ հայ ռուսագիտության մասսայականացումն է, համատեղ ծրագրերի, դրամաշնորհների մշակման հնարավորության ընձեռումը, մագիստրոսների ներգրավումը հետազոտական աշխատանքներին:

Назначение научно-методического журнала «**ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ**» рассматривается нами в ракурсе популяризации в РА русистики как отрасли языкознания, привлечения интереса к изучению русского языка, привлечения внимания зарубежных исследователей к разработкам армянских ученых и тем самым популяризации армянской русистики, возможности разработки совместных проектов, грантов и пр., привлечения магистрантов к научно-исследовательской работе.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУСИСТИКИ // Научно-методический журнал, №4 (8). / Глав. ред. Саркисян И.Р.; сост.: Акопян А.С. – Ереван: Изд-во МГУ, 2019. – 148 с.

ISSN 1829-4820

ORCID: 0000-0001-9263-6791

© Филиал МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Ереване

Հասցե՝ ՀՀ, Երևան, Վարդանանց 17, հեռ՝ (+37411) 900 110 – 101, 102:
Наш адрес: РА, г. Ереван, ул. Вардананц 17; тел. (+37411) 900 110 – 101, 102.
Address: Vardanants St. 17, Yerevan, RA; tel.: (+37411) 900 110 – 101, 102.
Էլեկտրոնային փոստ՝ (электронная почта) e-mail: po@msu.am

ЛИНГВИСТИКА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ И ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В ПАМЯТНИКЕ XI–XII ВВ. «АПРАКОС МСТИСЛАВА ВЕЛИКОГО»

Армен Суренович Акопян
ORCID: 0000-0001-9263-6791 / SPIN-код: 1465-8539
armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

Ст. преподаватель кафедры русского языка
и профессиональной коммуникации Института гуманитарных наук
Российско-Армянский университет;
Преподаватель кафедры русского языка факультета иностранных языков
Армянский государственный педагогический университет им. Хачатура Абовяна
Ереван, Республика Армения

АННОТАЦИЯ

В статье приведён лингвистический анализ глаголов и глагольных форм, выбранных из некоторых глав текста памятника XI–XII вв. «Апракос Мстислава Великого». Язык того периода обусловил выбор грамматических форм, которыми изобилует текст памятника. В нём зафиксированы следующие формы времен глагола: аорист, имперфект, перфект и, реже, плюсквамперфект; также настоящее, будущее простое, будущее сложное первое, будущее сложное второе. Нами прослеживается активное использование именных формх глагола: причастий, супинов и инфинитивов.
Ключевые слова: «Апракос», формы времен глагола, аорист, перфект, причастие, книжно-письменный язык.

Памятники Древней Руси – это составляющая часть культурного достояния русского народа. Все древнерусские памятники относятся к разным жанрам и имеют разное содержание: они могут представлять собой дарственные грамоты, договорные грамоты, могут быть церковными рукописями и т.д. К

последнему и относится рассматриваемый нами «Апракос Мстислава Великого».

«Апракос» – это рукопись, которая хранится в Государственном Историческом музее в Москве. Рукопись эта написана на пергаменте с ценнейшим переплетом как в искусствоведческом отношении, так и по реальной стоимости находящихся на нем ценностей. Она хранится в музее на положении государственного сокровища.

«Апракос» представляет собой книгу евангельских чтений. Это оригинальный памятник древнерусской литературы.

Рукопись написана на рубеже XI–XII вв. Она была заказана старшим сыном Владимира Мономаха, ставшим впоследствии великим князем Мстиславом Великим (1076–1132), который в то время переехал из Новгорода в Белгород. Положение заказчика, назначение книги в качестве вклада определили ее внешний вид и уникальную полноту состава. Мстислав был последним великим князем объединенной Древней Руси.

«Апракос Мстислава Великого» с XIX века известен в науке и под другим названием – «Мстиславова грамота».

Грамота эта не была написана в Новгороде (об этом свидетельствует отсутствие цоканья, т.е. неразличение «ц» и «ч», что являлось древнейшей диалектной чертой. Об этом информируют и другие древнерусские памятники: свой полный апракос в Новгороде появился гораздо позднее (об этом нам сообщает Юрьевское евангелие (1119–1128), сохранившееся до наших дней)).

Поскольку как рукопись датируется XI–XII вв., постольку ее можно отнести к раннему древнерусскому периоду [6], который заканчивается в первой половине XII в., т.е. рукопись была составлена до распада древнерусского языка (в XIV веке) на три отдельных языка: русский, украинский, белорусский.

При написании памятника использовалась кириллическая азбука. Он написан самым древним типом письма – уставом или унциалом. Строго подчеркнута каллиграфия; в тексте намечаются сокращения, в большинстве случаев это слова из Священного Писания; встречаются также и надстрочные знаки (диакритики). Эти дополнительные знаки, которые можно встретить над

или рядом с буквой, указывают на звуковое значение данной буквы или на сокращенное написание слова.

«… «Апракос Мстислава» является ценнейшим лингвистическим источником, содержащим разновременные напластования разных славянских языков и диалектов IX–XI веков <…>» [1: 3]. Он донес до нас различные образцы древнерусской речи. Наиболее выразительно они представлены в текстах, повторно написанных в чтениях на разные дни.

Особенно велико значение рукописи для истории русского языка, поскольку тексту присущи черты сугубо древнерусского языка. Например:

1) здесь постоянно представлены ър**,** ъл**,** ьр между согласными на месте *tъrt, *tъlt, *tьrt, *tьlt;

2) окончание –ть, а не –тъ в 3-ем лице глагола наст. времени;

3) очень часто употребляются рє, лє между согласными вместо старославянских р@, л@ из общеславянских сочетаний *tērt, *tēlt;

4) ж вместо жд на месте *dj;

5) ч вместо старославянского о из сочетаний *tj и *kt`;

6) древнерусские формы на –@ в а–основах;

7) древнерусские окончания в имперфекте и многие другие важные явления древнерусского языка.

Язык памятника имеет четкую синтаксическую организацию с развитым подчинением, с книжными синтаксическими средствами связи: в тексте можно заметить множество сочинительных, противительных и других союзов: «1ко», «`гда», «`же» и многие другие. Например:

«<…> Онъ жє глаашє о цркви тєла сво`го. °гда
жє въста отъ мьртвыихъ. помzноуша оучєни
ци `го 1ко сє глаашє. и в@роу1ша книгамъ.
и словє си `жє рєчє Iсъ: ~ **»** *(ев. от Иоан., II, 21–22. – Стр. 35).*[1]

[1] Все цитаты данного типа приводятся из «Апракоса Мстислава Великого, АН СССР, Институт русского языка. // Под ред. Л.П. Жуковской. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 527 с.

Итак, по всем имеющимся показателям данную рукопись мы можем отнести к памятникам древнерусского периода.

Нами анализируются глагол и глагольные формы, выбранные из памятника. Ввиду того, что памятник очень объемный, мы ограничимся лишь некоторыми главами текста для проведения лингвистического анализа, в частности, евангелия от Иоанна, II; евангелия от Матфея, XXIII–XXIV; евангелия от Луки, XXIII–XXIV.

Как было отмечено выше, памятник относится к древнерусскому периоду, в котором глагол характеризовался следующими грамматическими категориями: время, наклонение, вид, залог, лицо и число.

В древнерусском языке категория наклонения была представлена изъявительным, повелительным и сослагательным наклонениями. В связи с тем, что при анализе текста нам не встретились формы сослагательного и повелительного наклонений, мы рассмотрим изъявительное наклонение.

Все временные формы глагола древнерусского языка относились к изъявительному наклонению. Их было значительно больше, чем в современном русском языке.

1. Настоящее время образовывалось при помощи присоединения личных окончаний к основе глагола посредством темы. Тем в древнерусском языке было четыре (-є- [-@-], -нє-, -јє-, -и-), поэтому различались четыре тематических класса и один нетематический. Из текста мы можем привести следующие примеры глаголов, относящихся к тематическим классам:

«<…> Рєчє же къ нима. что соуть словєса си.
о нихъ же сътzза-`-та cz къ сєбє идоуоа.
и `ста дрzхла…» *(ев. от Л., XXIV, 17. – Стр. 32)*;

«<…> Видитє роуц@ мои и ноз@ мои 1ко самъ азъ
`смь. оczж@тє мz и видитє. !ко дхъ плъти. и
кости нє имать. !ко жє мz вид-и-те имоуоа…»
(ев. от Л., XXIV, 39. – Стр. 54);

«<…> И сє азъ. послъю об@товании` оца мо`го на

вы. Вы жє сzд-@-тє въ град@ Ї`роусалимьсц@.
донъдєжє обл@чєтє сz силою съвышє…»
(ев. от Л., XXIV, 49. – Стр. 54);

и пример с глаголом нетематического класса, в котором личное окончание присоединялось к основе глагола без темы (этих глаголов было всего лишь пять: «быти», «дати», «@сти», «им@ти» (имати), «в@д@ти»):

«<…> Мы жє над@1хомъ сz 1ко сь `сть хотz изба
вити Ізї̂лz. нъ и надъ вс@ми сими. Трєтии
днь сє имать дньсь. отън`л@ жє си быша…»
(ев. от Л., XXIV, 21. – Стр. 32).

Таким образом, в памятнике можно встретить как тематические глаголы всех классов, так и нетематические в форме настоящего времени.

2. Система форм прошедшего времени древнерусского языка включала в себя четыре формы: две простые (аорист и имперфект) и две сложные формы глагола (перфект и плюсквамперфект).

а. «*Аорист* (от греч, **αοριστοζ** – «неопределенный», «неограниченный») выражал действие в прошлом, <…>, мгновенное или длительное, но, во всяком случае, единое, не расчлененное на составные моменты…» [5: 192].

Итак, аорист – это простая форма прошедшего времени, которая обозначала действие однократное, либо законченное, целиком обращенное в прошлое.

Можно констатировать существование трех разных форм аориста: простой асигматический, сигматический нетематический и сигматический тематический. Исконно древнерусской формой являлась сигматическая тематическая форма аориста, которая являлась более продуктивной, отражающей последнюю стадию развития аориста. Тема (-о-) в этих конструкциях встречалась только в тех случаях, когда основа глагола оканчивалась на согласную. Сигма же наблюдалась в виде звука [х] (в I лице ед. ч., мн. ч. и дв. ч.), звука [с] (во II лице мн. ч., во II и III лице дв. ч.) и звука [ш] (в III лице мн. числе):

«<…> И ид-о-ш-а `дины отъ насъ къ гробоу. и обр@т-о-ш-а тако 1ко и жєны рєк-о-ш-а. самого жє нє вид@ша…» *(ев. от Л., XXIV, 24. – Стр. 32)*.

«<…> Он@ма жє отъвьрз-о-с-та сz очи и позната и итъ иоєзє отъ н`ю…» *(ев. от Л., XXIV, 31. – Стр. 33)*.

В формах II и III лица единственного числа сигма вообще никогда не наблюдалась. Например: «рєчє», «тєчє», «вид@», «идє».

«<…> Пєтръ въставъ тєчє къ гробоу. и приникъ вид@ ризы `дины лєжаоа. и идє въ сєбє дивz сz бывъшоуоумоу…» *(ев. от Л., XXIV, 12. – Стр. 32)*.

Так же часто встречается сигматическая нетематическая форма глагола, которая и по форме, и по другим признакам схожа с предыдущей. Их единственное отличие – наличие/отсутствие темы (-о-):

«<…> И въставъша въ тъ часъ възвратиста сz въ Їєроусалимъ. и обр@тоста съвъкоѫ плъша сz `диного на дєсztє и ижє бzахоу съ ними…» *(ев. от Л., XXIV, 33. – Стр. 33)*.

В приведенном выше примере основа глагола «възвратиста» оканчивается на гласную, поэтому тема (-о-) отсутствует. Это типичный пример сигматической нетематической формы глагола. А основа глагола «обр@тоста» оканчивается на согласный, поэтому тема (-о-) присутствует.

Простой же асигматический аорист в древнерусских текстах практически не встречался, даже в памятниках, написанных книжно-письменным языком. Поэтому в рассматриваемом нами памятнике не наблюдается ни одного

случая простого асигматического аориста, хотя «Апракос Мстислава Великого» является произведением, написанным книжно-письменным языком.

Надо сказать, что эта форма аориста непродуктивна, поэтому она быстро вышла из употребления. Таким образом, функционирование этой формы ограниченное, ведь, по сути, в памятниках более позднего извода эти формы заменяются более современными конструкциями.

б. «*Имперфект* (от лат. ***imperfectus*** – «незавершенный») (прошедшее незавершенное) – видоизмененная форма глагола <…>, выражающая действие как продолжавшееся в прошлом, обычное в прошлом, безотносительно к его завершенности или незавершенности» [2: 486].

В отличие от аориста, имперфект образовывался при помощи суффиксов «-@ах-», «-аах-» (так образовывались нестяженные или нестянутые формы имперфекта, которые в изобилии встречаются в тексте):

«<…> Нє тако ли подобаашє пострадати хZ.
и вънити въ славоу свою...» *(ев. от Л., XXIV, 26. – Стр. 33)*.

В тексте памятника встречаются и стянутые (стяженные) формы имперфекта:

«<…> И бысть. ˚гда благословл1шє. отъ
стоупи отъ нихъ. и възношаашє сz на нl̂бо…»
(ев. от Л., XXIV, 51. – Стр. 54).

В современном русском языке, при использовании формы сослагательного наклонения, мы употребляем частицу «бы». Эта частица представляет собою формы II и III лица ед. числа от глагола «быти». А.М. Селищев в своем труде говорит по этому поводу следующее: «Для глагола быти в старославянских памятниках употреблялись в значении имперфекта формы аористного образования: быхъ, б@…» [См.: 7: 165].

«<…> И р@ста къ сєб@. нє срдцє ли наю горz б@

въ наю. ˚гда глаашє къ нама на поути. и 1ко
сказааше нама писани1…» *(ев. от Л., XXIV, 32. – Стр. 33).*

в. *Перфект* – это сложная форма прошедшего времени, которая образовывалась сочетанием настоящего времени вспомогательного глагола «`смь» и несклоняемого действительного причастия прошедшего времени на –л–.

Перфект в древнерусском языке служил для обозначения действия, выполненного в прошлом с результатом в настоящем; чаще всего он наблюдался в диалогах. Например:

«<…> И ноуждааста и гl̂люоа. облzзи съ нама.
1ко при вєчєрє `сть и пр@клонилъ сz
`сть днь. и вънидє съ нима облеоь»
(ев. от Л., XXIV, 29. – Стр. 33).

Форма перфекта была очень продуктивна. Недаром после разрушения системы прошедшего времени сохранилась именно эта форма, хотя и утерявшая свою связку.

В тексте перфект употребляется очень часто. Можно привести множество примеров, но мы ограничимся этим одним, чтобы перейти к следующей сложной форме прошедшего времени – плюсквамперфекту.

г. *Плюсквамперфект* (или *давнопрошедшее время*). «По своему значению это было прошедшее время, обозначавшее такое прошедшее действие, которое совершилось ранее другого прошедшего действия» [4: 342].

Плюсквамперфект в древнерусском языке образовывался при помощи форм перфекта от вспомогательного глагола «быти» + причастие прошедшего времени на –л–. Однако, ввиду того, что в рассматриваемом нами отрывке эта форма отсутствовала, привести соответствующий пример мы не сможем.

Существовал и другой способ образования давнопрошедшего времени: брались формы имперфекта от вспомогательного глагола «быти» и к ним

присоединяли причастие прошедшего времени на -л-. Эта форма плюсквамперфекта была более древней. Например:

«<…> Въ сл@дъ жє шьдъша жєны 1жє
б@1ахоу пришьлы съ нимъ отъ галилєа.
вид@ша гробъ и 1ко положєно бысть
т@ло `го...» *(ев. от Л., XXIII, 55. – Стр. 170)*.

Эта форма плюсквамперфекта по своему происхождению старославянская, и она в «Апракосе…» часто встречается из-за того, что памятник написан книжно-письменным языком.

Впоследствии, начиная с XIII века, система форм прошедшего времени подверглась разрушению (это было связано с развитием категории вида), и постепенно, приблизительно к XVI–XVII вв., форма перфекта становится единственной формой прошедшего времени.

3. В древнерусском языке система форм будущего времени состояла из будущего простого, будущего сложного первого и будущего сложного второго. В отобранных главах форма будущего простого нам не встретилась. Это вполне объяснимо, т.к. «в самых ранних памятниках древнерусской письменности выступает аналитическая, или сложная, форма будущего времени…» [4: 354].

Будущее простое исторически вычленилось из формы настоящего времени в связи с развитием категории вида. Можно сказать, что это та же форма настоящего времени, которая воспринималась как будущее совершенного вида.

В начале исторического периода разграничение настоящего и будущего простого оказалось нечетким из-за совершенного и несовершенного вида. Но чем дальше развивалась видовая противопоставленность, тем четче отграничивалась форма настоящего времени от формы будущего простого. Этим можно и объяснить отсутствие этой формы в тексте памятника.

Вероятно, автор просто не различал противопоставленность этих двух форм и считал все это одной единой формой.

а. *Будущее сложное первое* образовывалось при помощи вспомогательных глаголов: «хот@ти», «начати», «имати» (им@ти), «быти», «стати». «Эти вспомогательные глаголы, по различию в значении и видах, дают различное значению будущему…» [3: 361–362] сложному первому:

1) «стати» и «начати» – выражают начало действия;

2) «хот@ти» и «имати (им@ти)» – показывают намерение, расположение и повод, представляющиеся в настоящее время для совершения какого-нибудь действия в будущем.

3) «быти» – выражает собственно будущее время.

Например:

«<…> Глю же вамъ. яко нє имамъ пити оужє отъ сєго плода виньнааго. До того днє `гда пию съ вами ново въ ц(с)рств@ оца мо`го…»
(ев. от Мт., XXVI, 29. – Стр. 194).

б. *Будущее сложное второе* «образовалось путем сочетания спрягаемых форм глагола «боудоу» с причастием на -л-, изменявшимся по родам и числам («боудоу писалъ», «боудєши писалъ», или «боудоу писала» и т. д.)» [4: 354]. Например:

«<…> Отъ смокъвє же наоучитє сz притъчи `гда жєв@1 `1 боудєть омлад@ла и листви` `1 прозzбнєть. в@стє 1ко близь `сть жатва...» *(ев. от Мт., XXIV, 32. – Стр. 182).*

Формы будущего сложного первого и будущего сложного второго встречались в древнерусском языке вплоть до XIV века. Потом они утратились вовсе, уступив место сложному будущему времени, в состав которого входил инфинитив.

Как мы уже знаем, в состав именных форм глагола входят инфинитив, супин и причастие. Все причастия, в свою очередь, подразделялись на при-

частия действительного и страдательного залога, которые могли употребляться как в настоящем, так и в прошедшем времени, и не только в полной, но и в краткой форме.

В рассмотренном отрывке текста мы не встретили причастия страдательного залога, поэтому при дальнейшем лингвистическом анализе мы о них больше не упомянем.

В древнерусском языке инфинитив образовывался при помощи двух суффиксов -ти- и -чи-, при этом инфинитив на -чи- образовывался в тех случаях, если основа глагола оканчивалась на согласные -к- и -г-. Например: «тєчи», «стєрєчи», «бєрєчи» и т.п.

Этих образований так мало, что их едва ли можно встретить в тексте «Апракоса», однако инфинитив с суффиксом -ти- очень широко употреблен. Например:

«<...> И тъ рєчє къ нима. ѡ нєсъмысльна и мьдьльна срдцмь. в@ровати о вс@хъ 1жє глаѣша пр(о)рци...» *(ев. от Л., XXIV, 25. – Стр. 284)*.

По своему происхождению инфинитив является именной формой, а не глагольной: это древняя застывшая форма дательно-местного падежа, ед. ч. отглагольного существительного, которое склонялось по древним основам на -i-. Впоследствии эта форма была втянута в систему глагола, где обрела отдельные глагольные категории вида и залога.

В суффиксном окончании инфинитива -т- рано смягчилось перед гласным переднего ряда -и-. Например:

«<...> И приближїша сz въ вьсь въ ню жє идzа ста. и тъ творzашє сz далє ити...»
(ев. от Л., XXIV, 28. – Стр. 284).

Конечное безударное –и– подверглось редукции, в результате чего показателем инфинитива в современном русском языке выступает суффикс –ть–.

Супин (от лат. ***supinum*** – «обращенное назад») или достигательное наклонение представлял собою неизменяемую глагольную форму (как и инфинитив), которая способствовала переходу от глагола к существительному. Супин можно назвать дополнением глагола движения, которое предназначалось для обозначения цели. Оканчивался он на –тъ:

«<…> Вєдєна быста съ Iî̂съмъ ина два злод@1 оубитъ» *(ев. от Л., XXIII, 32. – Стр. 213)*.

«В древнейшем церковнославянском языке <супин> употреблялся в дополнении к глаголам, обозначающим движение не только в вещественном отношении (напр. идти, послать), но и в умственном (хотеть)…» [3: 376]. В «Апракосе» мы встретили пример вышесказанному; это все говорит о том, что автор памятника придерживался (или, во всяком случае, старался придерживаться) норм древнейшего церковнославянского языка:

«<…> Гî̂ла имъ Симѡнъ Пєтръ идоу рыбъ ловитъ. Гî̂лаша `моу идємъ и мы съ тобою. Изидоша жє а би` и въл@зоша въ корабль и въ тоу ноoь нє 1ша ничь со жє…» *(ев. от И., XXI, 3. – Стр. 286)*.

В современном русском языке в той функции, в которой употреблялся супин, выступает инфинитив.

Причастие – это чрезвычайно распространенная глагольная категория, которая имела такие же широкие функции, как и сам глагол.

Причастия в древнерусском языке были двух типов: причастия действительного залога и страдательного (обо всем этом уже говорилось выше).

Все типы причастий *склонялись* (или изменялись?) по родам, числам и падежам (кроме несклоняемых причастий прошедшего времени на -л-). Они склонялись по мягкой разновидности основ на *-о (в мужском и среднем роде), например:

«<…> Пристоупи жє ижє ѥдинъ талантъ
вьзz. рєчє Гîи. вид@хъ тz 1ко
жєстокъ `си чл(о)вкъ. жьнz
идє жє н@си с@1лъ. и събира1
оудоу жє нє расточивъ…» *(ев. от М., XXV, 24. – Стр. 107)*;

«<…> И та бєс@доваста къ сєб@ о вс@хъ
ихъ приключьшиихъ сz…» *(ев. от Л., XXIV, 14. – Стр. 283)*;

и по типу мягкой разновидности основ на *-а (в женском роде), например:

«<…> Пристрашь намъ жє бывъшамъ
имъ и поклоньшємъ лица на зємлю
рєкоста къ нимъ чьто иоєтє жи
вааго съ мьртвыими…» *(ев. от Л., XXIV, 5. – Стр. 282–283)*.

Как же образовывались причастия? Рассмотрим образование кратких причастий, ибо они появились ранее, чем полные формы; последние образовывались от кратких форм при помощи присоединения указательных местоимений: для мужского рода -и-; для женского -1-; для среднего -`-.

Краткие формы «причастий настоящего времени образовывались от основы настоящего времени, где тематический гласный выступал на второй ступени чередования, с помощью суффикса *-nt; кроме того, основа причастия во всех формах, кроме формы им. падежа ед. числа мужского и среднего рода, была осложнена суффиксом именной основы *-j…» [4: 361]. Например:

«<…> Вїдитє роуц@ и ноз@ мои 1ко

самъ азъ `смь. осzж@тє мz и
видитє. 1ко доухъ плъти. и кости
нє имать 1ко жє мz видитє имоуоа…»
(ев. от Л., XXIV, 39. – Стр. 284).

Здесь выделенное нами краткое действительное причастие настоящего времени мужского рода дв. числа род. падежа от глагола «им@ти» образовано следующим образом: *-imo + *-nt + *-j + *-a = *imontja. В этой форме [*-on] изменилось в [Z], а [*-tj] – в [о]. Таким образом, у нас получилось причастие «имZоа».

В дальнейшем в древнерусском языке [Z] перешел в [оу] ([у]). Эти два разных образца написания одного и того же слова («имZоа» и «имоуоа»). В целом, все подобные примеры, выразительно представлены в текстах, повторно написанных в чтениях на разные дни [1: 219–290].

В книжных памятниках в конце причастий действительного залога настоящего времени достаточно часто пишется -z-, что является всего лишь данью книжной традиции, поскольку носовые гласные в древнерусском языке утратились еще в дописьменный период. Поэтому в тексте памятника выступают такие формы, как «идz», «нєсz», «глz» и т.д. Например:

«<…> Отъв@оа имъ Иωанъ глz̑. Азъ крьоаю
въ вод@. посрєд@ жє васъ стоить. °го жє
нє в@стє… » *(ев. от И., I, 26. – Стр. 32)*.

Форм действительных причастий прошедшего времени было две. Обе они образовывались от основы инфинитива.

Первая на -ъш-, если основа инфинитива оканчивалась на согласный («нєс-ъш-є»), и на -въш-, если основа инфинитива оканчивалась на гласный («носи-въш-є»); и вторая – несклоняемая форма на -л- («нєслъ»).

Несклоняемые действительные причастия прошедшего времени образовывались при помощи суффикса -л- и употреблялись для образования сложных (аналитических) глагольных форм (перфект, плюсквамперфект, будущее

сложное второе, сослагательное наклонение). Например, для перфекта – «пр@клонилъ сz `сть»; для плюсквамперфекта – «изгыблъ `смь былъ»; для будущего сложного второго – «боудоу читалъ»; для сослагательного наклонения – «быша оубили».

Таким образом, в работе были проанализированы глагол и глагольные формы. В связи с тем, что памятник этот представляет собой евангельские чтения, он написан книжно-письменным языком. Все это обусловило выбор грамматических форм. Зафиксированы следующие формы времен глагола: аорист, имперфект, перфект и, реже, плюсквамперфект; также настоящее, будущее простое, будущее сложное первое, будущее сложное второе (особых расхождений этих времен с современным русским языком нет, лишь только не употребляются будущее сложное первое и второе).

Очень часто употребляется аорист сигматический как тематический, так и нетематический. Что касается имперфекта, то он употребляется в нестянутой форме, но фиксируется и стянутая форма, которая более частотна для древнерусского имперфекта. Перфект нечастотен. В полной форме его можно встретить лишь в диалогах.

В памятнике активно используются именные формы глагола: причастие, супин, инфинитив. Последние две формы в тексте «Апракоса…» нечастотны, в то время как причастие встречается довольно часто в исконно старославянской форме с -ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-, в отличие от древнерусского – с -уч-, -юч-, -ач-, -яч-.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апракос Мстислава Великого, АН СССР, Институт русского языка. // Под ред. Л.П. Жуковской. – М.: Изд-во «Наука», 1983. – 527 с.
2. Большой энциклопедический словарь (в 2-х тт.) / Глав. ред. А.М. Прохоров. – Т. 1. – М.: Сов. энцикл., 1991. – 862 [2] с.
3. *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка / [Вступ. статья И. Кузьминой и др.]; Акад. наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Учпедгиз, 1959. – 623 с.

4. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. – 2-ое изд-е, испр. и доп. – М.: «Просвещение», 1983. – 399 с.
5. *Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. – М.: Изд-во Московского университета, 1953. – 306 с.
6. *Ломтев Т.П.* Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.
7. *Селищев А.М.* Старославянский язык. В 2-х частях. – М.: Юрайт, 2016. – 544 с. – Часть 2. – 206 с.

ԲԱՅԵՐԻ ԼԵԶՎԱԲԱՆԱԿԱՆ ՎԵՐԼՈՒԾՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ԲԱՅԵՐԻ ՁԵՎԵՐԸ XI–XII ԴԴ. «ՄՍՏԻՍԼԱՎ ՄԵԾԻ ԱՊՐԱԿՈՍ» ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՈՒՄ

Ա.Ս. Հակոբյան
ORCID: 0000-0001-9263-6791 / SPIN-код: 1465-8539
armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

Հայ-Ռուսական համալսարանի Հումանիտար գիտությունների ինստիտուտի ռուսաց լեզվի և մասնագիտական հաղորդակցման ամբիոնի ավագ դասախոս;
Խաչատուր Աբովյանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարանի օտար լեզուների ֆակուլտետի ռուսաց լեզվի ամբիոնի դասախոս
Երևան, Հայաստանի Հանրապետություն

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Հոդվածում լեզվական քննության են ենթարկվում XI–XII դդ. «Մստիսլավ Մեծի Ապրակոս» հուշարձանի մի քանի գլխից ընտրված բայերը և բայական ձևերը: Այդ ժամանակաշրջանի լեզուն պայմանավորել է քերականական ձևերի ընտրությունը, որով առատ է հուշարձանի տեքստը: Դրա մեջ արձանագրված են բայի ժամանակային հետևյալ ձևերը՝ առրիստ, իմպերֆեկտ, պերֆեկտ և, ավելի հազվադեպ, պլյուսքվամպերֆեկտ, ինչպես նաև ներկա, ապառնի պարզ, ապառնի բարդ առաջին, ապառնի բարդ երկրորդ: Մենք հետևում ենք բայի անվանական ձևերի ակտիվ օգտագործմանը՝ դերբայներ, սուպիններ և անդեմ բայեր:

Բանալի բառեր՝ «Ապրակոս», բայի ժամանակային ձևեր, առրիստ, պերֆեկտ, դերբայ, գեղարվեստական-գրավոր լեզու:

LINGUISTIC ANALYSIS OF VERBS AND VERB FORMS IN THE MONUMENT OF THE 11TH–12TH CENTURIES «APRACOS MSTISLAV THE GREAT»

A. Hakobyan

ORCID: 0000-0001-9263-6791 / SPIN-код: 1465-8539

armen.hakobyan@rau.am, hakobyanarmen04@aspu.am

Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Professional Communication of the Institute of Humanities Russian-Armenian University;
Lecturer at the Department of Russian Language of the Faculty of Foreign Languages Armenian State Pedagogical University after Khachatur Abovyan
Yerevan, Republic of Armenia

ABSTRACT

The article provides a linguistic analysis of verbs and verb forms selected from several chapters of the text of the monument XI–XII centuries «Apracos Mstislav the Great». The language of that period determined the choice of grammatical forms with which the text of the monument abounds. The following forms of the tenses of the verb are fixed in it: aorist, imperfect, perfect and, less commonly, pluperfect; also present, future simple, future complex first, future complex second. We trace the active use of the nominal forms of the verb: participles, supines and infinitives.

Keywords: Apracos, verb tense forms, aorist, perfect, participle, book-written language.

Информация о статье:
статья поступила в редакцию 28 октября 2019 г.,
подписана к печати в номер 4 (8) / 2019 – 10.11.2019 г.